

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

Главный герой «Двенадцати стульев» гениальный авантюрист Остап Бендер воскресает, чтобы вновь попытаться счастья: на этот раз его цель — миллион рублей, который поможет ему переселиться из постылого Советского Союза в Рио-де-Жанейро. Бендер с компанией поделщиков отправляется в город Черноморск, чтобы экспроприировать деньги у подпольного миллионера Александра Корейко. Как и «Двенадцать стульев», «Золотой теленок» — захватывающий плутовской роман и превосходная сатира на советскую действительность, но в то же время он глубже и грустнее первой части приключений Бендера: в финале и читателю, и самому герою приходится сделать вывод о несовместимости благородного жулика с новой реальностью.

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

Об этом вроде бы есть точные сведения: роман, сначала называвшийся «Великий комбинатор», был начат 2 августа 1929 года. За три недели Ильф и Петров написали первую часть — восемь глав от появления Остапа Бендера в Арбатове до прибытия «Антилопы-Гну» в Одессу (Черноморск). В переработанном виде главы вошли в окончательную редакцию; опубликован этот черновик первой части был только в 1996 году.

С другой стороны, сохранились такие воспоминания Евгения Петрова: «Писать было трудно, денег было мало.

Мы вспоминали о том, как легко писались “Двенадцать стульев”, и завидовали собственной молодости. Когда садились писать, в голове не было сюжета. Его выдумывали медленно и упорно»¹. Есть и история о том, как после написания первой части работа затормозилась: мешала журналистская рутина (Ильф и Петров были востребованными репортерами и фельетонистами), а кроме того, Ильф до того увлекся фотографией, что на несколько месяцев забросил писательство. Исследователи Михаил Одесский и Давид Фельдман предполагают, что Петров намеренно запутывал следы, не желая выдавать подлинные сроки работы. На 1929–1930 годы приходится очередное закручивание гаек в стране: начинаются «чистки», травля Николая Бухарина, а заодно и писателей — Пильняка и Замятина. Возможно, перерыв в работе связан не с фотографическим хобби Ильфа, а с тем, что соавторы опасались продолжать роман. Те же исследователи приводят доказательства, что «Теленок» был начат раньше 1929 года². Как бы то ни было, дописан он был в 1931 году, когда первые главы уже публиковались.

От первоначального плана — «об Остапе Бендере, ищущем девушку, которую он мог бы выдать за наследницу американского солдата, о борьбе его за эту девушку, о кооперативном жилищном строительстве и о наболевшей, богатой сатирическими сюжетами теме распределения квартир»³ — в романе осталась одна-единственная реплика попутчика Бендера в купе. Карьера брачного афериста, о которой великий комбинатор думал еще в «Двенадцати стульях», так и не сложилась.

КАК ОНА НАПИСАНА?

«Золотого теленка» многое роднит с предыдущим романом дилогии. Как и «Двенадцать стульев», это роман-путешествие. Как и раньше, в дела Бендера несколько раз вмешивается форс-мажор: в первом романе это мотовство Воробьянинова, землетрясение в Крыму и, наконец, покушение Кисы на жизнь Остапа, во втором — учебная газовая атака и нападение румынских пограничников. Обе книги — современные вариации плутовского романа, в которых «благородный жулик» терпит поражение. Но если в «Двенадцати стульях» Бендер не знал, что поиски последнего стула заведомо бесплодны, то в «Теленке» у него из рук ускользает уже завоеванная добыча, и оттого катастрофа кажется более сокрушительной. Это — а также наличие самой настоящей, а не шутовской, как в «Стульях», любовной линии — позволяет Дмитрию Быкову*¹ назвать «Теленка» книгой «гораздо более талантливой, гораздо более яркой» и «гораздо более трагической»⁴. Бендер «Золотого теленка» отходит от былой водевильности, становится более человеческим, более интеллектуальным — и ему проще сочувствовать⁵.

Как и в «Двенадцати стульях», в «Теленке» много эпизодических персонажей, занятых в основном сюжете постольку-поскольку (монархист Хворобьев — или Хворобьев? — дает прибежище скомпрометированной «Антилопе-Гну», Лоханкин предоставляет концессионерам жилье, Берлага — одно из звеньев на пути к Корейко), — но рассказывают о них Ильф

и Петров очень подробно. Это связывает «Золотого теленка» с журнальной юмористикой, жанром фельетона, в котором Ильф и Петров набили руку на описании подобных типов. Собственно, в «восточную» часть романа в переработанном виде вошло несколько их очерков⁶ — все они удачно «нанизываются» на стержень путешествия.

Сильный сюжет Ильф и Петров вновь сочетают с феноменальной речевой пластичностью: Остап Бендер остается производителем блестящих афоризмов, вдохновение для которых авторы черпают как в официальном советском языке, так и в дореволюционной культуре (характерная контаминация: «Жизнь прекрасна, невзирая на недочеты»). Описания города, пейзажа, производственного процесса даны в сочных деталях и эпитетах, свойственных жовиальной одесской школе, которая всегда не прочь подчеркнуть свое стилистическое богатство:

Ночь показывала чистое телескопическое небо, а день подкатывал к городу освежающую морскую волну. Дворники у своих ворот торговали полосатыми монастырскими арбузами, и граждане надсаживались, сжимая арбузы с полюсов и склоняя ухо, чтобы услышать желанный треск.

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

Публикацию «Золотого теленка» оложили цензурные обстоятельства. Роман начал выходить в 1931 году в жур-

*1 Внесен в реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента.

нале «30 дней», когда работа над ним еще продолжалась. Но отдельного советского издания пришлось ждать два года — в результате в США и нескольких европейских странах перевод «Теленка» появился раньше, чем книжный оригинал в СССР.

По-русски роман был выпущен отдельно — пиратским способом — в 1931 году в берлинском издательстве «Книга и сцена». А на суперобложке американского издания (1932) значилось⁷:

Книга, которая слишком смешна, чтобы быть опубликованной в России!

Несмотря на предисловие советского наркома просвещения, товарищ Сталин опасается, что «Золотой теленок» недостаточно серьезно относится к пятилетнему плану, в результате чего Америка первой знакомится с публикацией этого поразительно смешного романа.

Такой текст мог подпортить судьбу не только роману, но и его авторам, и Ильф поспешил его дезавуировать в «Литературной газете»: «На суперобложке книги, очевидно под влиянием кризиса, помещено явно рекламное и явно антисоветское сообщение... <...> Это примитивная выдумка: “Золотой теленок” полностью, от первой до последней строки, напечатан в журнале “30 дней” за 1931 год и готовится к выходу отдельной книгой в издательстве “Федерация”».

Несмотря на это, советская книга по-прежнему буксовала. Товарищ Сталин был все-таки ни при чем: дело тормозили другие высокопоставленные рецензенты. Тот самый нарком просвещения Анатолий

Луначарский, Александр Фадеев и прочие «ответственные товарищи» сочли, что прохиндей и ненавистник советской власти Бендер в романе получился слишком симпатичным (и они были совершенно правы). Положение спас только Максим Горький: когда Ильф и Петров обратились к нему, он сумел пробить публикацию — книга, с цензурными искажениями (зачастую обедняющими юмор соавторов⁸), вышла в 1933 году. В 1949-м Фадеев примет участие в кампании по запрету романов Ильфа и Петрова.

ЧТО НА НЕЕ ПОВЛИЯЛО?

Как и в «Двенадцати стульях», пласт литературных влияний в «Золотом теленке» огромен. Попробуем их перечислить.

Плутовская литература — в том числе такой высокий ее образец, как «Мертвые души» Гоголя. Подобно Чичикову, Александр Иванович Корейко умеет приспособиться к любым обстоятельствам, мимикрирует под них, сливается с фоном. О нем нельзя сказать ничего определенного — при этом, что замечательно, у него есть та же особенность, что у Чичикова: «Он мгновенно умножал и делил в уме большие трехзначные и четырехзначные числа»⁹. Глава о пребывании бухгалтера Берлаги в сумасшедшем доме, возможно, восходит к аналогичному эпизоду в еще одном великом сатирическом/плутовском романе — «Похождениях бравого солдата Швейка» Ярослава Гашека. Сам образ Бендера связан с «благородным жуликом» из рассказов О. Генри — Энди Такером.

Советская сатира и бытовой роман 1920-х: коллеги по газете «Гудок» Булгаков и Олеша, Зошенко, Н. Огнёв*¹, Пантелеймон Романов, Илья Эренбург с его «Хулио Хуренито», стихотворные фельтоны и пьесы Маяковского (в черновых записях к «Теленку» есть даже сцена похорон поэта). Одновременно — скорее как антивлияние — журналистская и литературная рутина, которая в романе злостно пародируется: от знаменитого отступления про писателя-среднячка, сочиняющего деревенскую сагу про старика Ромуальдыча, до замечания Остапа про «многочисленные литературные и музыкальные бригады», которые собирают «материалы для агропозем и огородных кантат». Бендер презирает таких авторов не как плохих писателей, а как конкурентов: он сам не прочь заработать, продав киностудии сляпанный за ночь сценарий «Шея» или журналисту Ухудшанскому — «торжественный комплект» универсальных фраз, годящихся в любую передовицу. Однако отношение бывалых фельетонистов Ильфа и Петрова к подобным практикам однозначно ехидное.

Одесский юмор, до Ильфа и Петрова отчетливее всего воплощенный в прозе Исаака Бабеля и сотрудников «Сатирикона». Рядом находится и влияние еврейской юмористики — в первую очередь Шолом-Алейхема.

Детективная классика: помимо подмечаемых комментаторами переключек

в деталях, вся погоня Бендера за Корейко, со множеством промежуточных звеньев — более мелких негодяев, напоминает охоту Шерлока Холмса за профессором Moriarty.

Русская классика *in general*: «Золотой теленок» пересыпан пародийными фрагментами, цитатами, аллюзиями — от А. К. Толстого до Л. Н. Толстого; в одном из самых грустных мест романа это влияние иронически обыграно: «Какой удар со стороны классика!» — восклицает Бендер, вспомнив, что стихотворение «Я помню чудное мгновенье...» до него уже сочинил Пушкин.

И, пожалуй, главное влияние на «Теленка» — нарождающийся советский язык, штампы газетных передовиц и профсоюзных собраний, противодействие бойких лозунгов и бюрократической волокиты. И то и другое сохраняется в современном русском языке — и поэтому до сих пор многое в тексте Ильфа и Петрова кажется нам знакомым.

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

У читателей «Теленок», как и «Двенадцать стульев», шел на ура. Правоверная же партийная критика не выказывала особого восторга. Анатолий Луначарский, в целом высоко оценивший роман, переживал, что главный герой получился слишком симпатичным:

*¹ Михаил Григорьевич Розанов (1888–1938; псевдоним — Н. Огнёв) — детский писатель. Работал педагогом в Обществе попечения об учащих детях Бутырского района Москвы, после революции основал первый в Москве детский театр, работал в детских колониях. В 20-х годах входил в группу конструктивистов, затем — в литературную группу «Перевал». Писал рассказы, наиболее известное его произведение — повесть «Дневник Кости Рябцева» (1927). С 1937 года преподавал в Литинституте.

Этот необыкновенно ловкий и смелый, находчивый, по-своему великодушный, обливающий насмешками, парадоксами все вокруг себя плут Бендер кажется единственным подлинным человеком среди этих микроскопических гадов. <...>

Почему Остап Бендер не кажется нам отвратительным?

Потому, что Ильф и Петров перенесли его в атмосферу советского «подола», в атмосферу обывательского советского дна. Там он фигурирует как величина, а если он соприкоснется с настоящей жизнью, настоящая жизнь должна будет его раздавить как личность, тем более вредную, чем он способен и чем более он «свободен от принципов». При этих условиях Остап Бендер, который все разлагает своей философией беспринципности, своим организмом очень умного комбинатора, начинает нас тревожить, как бы не вообразил кто-нибудь, что это — герой нашего времени, как бы Остап Бендер не оказался

образчиком для юнцов, не перепрыгнувших еще своего болота.

После выхода «Теленка» отдельной книгой писатель Василий Локоть опубликовал под псевдонимом А. Зорич рецензию с характерным названием «Холостой залп»: «Это книжка для досуга, для легкого послеобеденного отдыха... Она будет быстро прочитана и столько же быстро забыта, не оставив после себя никакого следа». В 1934 году в «Литературной энциклопедии» появилась статья о Евгении Петрове, где говорилось, что «романы Ильфа и Петрова не представляют заостренной, резкой сатиры. Глубокого раскрытия классовой враждебности Бендера ими не дано».

Положительные рецензии на «Золотого теленка» написали, в частности, Лев Никулин*¹ и Виктор Шкловский — он одним из первых указал на параллели книги с классическим плутовским романом. На Западе книгой восхищались Анри Барбюс*², Лион Фейхтвангер*³, Эптон Синклер*⁴.

*¹ Лев Вениаминович Никулин (1891–1967) — писатель, поэт, драматург. Публиковал стихи и фельетоны в одесской прессе. Был другом Александра Вертинского, для которого написал слова к песням «Возвращенье» и «Ты уходишь в далекие страны». После революции был секретарем Генконсульства в Кабуле, работал в редакции «Правды». Автор романов «Время, пространство, движение», «Канал имени Сталина», «Мертвая зыбь». Был одним из основателей журнала «Иностранная литература». Договорился с вдовой Бунина о передаче архивов писателя в СССР.

*² Анри Барбюс (1873–1935) — французский писатель, журналист. Участвовал в Первой мировой войне. Приобрел известность благодаря антивоенному роману «Огонь» (1916), получил за него Гонкуровскую премию. Пропагандировал социализм, четыре раза приезжал в СССР. Написал книгу о Сталине; во время работы над второй книгой о вожде умер от пневмонии.

*³ Лион Фейхтвангер (1884–1958) — немецкий писатель. Автор более 40 исторических романов, пьес (несколько из них были написаны в соавторстве с Бертольтом Брехтом), теоретических работ о еврейском вопросе. В годы нацистской власти Фейхтвангера лишили германского гражданства, а его книги были сожжены. Писатель жил во Франции. Основал в Москве журнал «Дас Ворт», побывал в СССР, написал о своей поездке апологетическую книгу «Москва. 1937». В 1939 году попал в концлагерь в Тулоне, после освобождения переехал в США.

*⁴ Эптон Билл Синклер (1878–1968) — американский писатель. Участвовал в левом движении, баллотировался в палату представителей и сенат от Социалистической партии Америки. Написал около ста книг в различных жанрах, в том числе социологический роман «Джунгли» (1906)

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

До конца советской эпохи в литературоведении пытались разобраться с вопросом — как же так получается, что мы невольно симпатизируем Бендеру. Возникла формулировка «отрицательный герой с положительной функцией»¹⁰. За рамками идеологической дискуссии литературоведы отмечали, что романы Ильфа и Петрова оказали влияние на прозу хорошо знакомых с ними авторов — Юрия Олеши и Михаила Булгакова (в том числе на «Мастера и Маргариту», где можно найти множество тонких перекличек с «Золотым теленком»)¹¹. В постсоветское время возникла даже конспирологическая гипотеза о том, что Булгакову принадлежат оба романа о Бендере (среди ее сторонников — писатель Дмитрий Галковский). Более серьезные исследования проясняли жанровую природу Остапа Бендера — героя-трикстера, который «обнажает и обыгрывает социально-психологические парадоксы советской культуры»¹².

«Золотой теленок» неоднократно переиздавался в СССР — отдельно и под одной обложкой с «Двенадцатью стульями»; цензура отщипывала от него крохи остроумия, становившихся предосудительными¹³. В 1949 году, уже после смерти обоих авторов, романы попали под новую волну репрессий: вышло специальное постановление ЦК, в котором публикация «Стульев» и «Теленка» большим тиражом в 1948-м признавалась «грубой политической ошибкой». Книги Ильфа и Петрова были названы «клеветой на советское общество»

(«По романам Ильфа и Петрова получается, что советский аппарат сверху донизу заражен бывшими людьми, нэпманами, проходимцами и жуликами, а честные работники выглядят простачками, идущими в поводу за проходимцами»), а шутки Бендера — «пошлыми, антисоветского характера остротами». Словом, все было по формуле, которую Булгаков еще в 1930 году нашел в своем отчаянном письме правительству: «Всякий сатирик в СССР посягает на советский строй». Диалогия не выходила в Советском Союзе до 1956 года; в это время ее версия без цензурных искажений была опубликована в нью-йоркском Издательстве имени Чехова.

В 1994 году вышло первое постсоветское издание «Золотого теленка» «без купюр» — как и в случае с «Двенадцатью стульями», сюда вошли все изъятия из оригинальной рукописи, в том числе не связанные с цензурой. Также в начале 1990-х появился обширный комментарий Юрия Щеглова к обоим романам. Они продолжают привлекать исследователей: так, в 2000–2010-е публикуются работы Михаила Одесского и Давида Фельдмана, посвященные их поэтике и политической подоплеке¹⁴.

«Золотой теленок» ставился на сцене и в кино реже, чем «Двенадцать стульев», но, возможно, именно кинопостановка Михаила Швейцера (1968) с Сергеем Юрским в главной роли стала лучшей во всей кинобендериане. В начале 1990-х без особого успеха переосмыслить роман попытался Василий Пичул (у него постаревшего Бендера сыграл Сергей Крылов),

и «Нефть» (1927), по которому Пол Томас Андерсон снял одноименный фильм. Лауреат Пулитцеровской премии.

а в 2006-м вышел провальный сериал Ульяны Шилкиной: несмотря на то что в главной роли был именитый Олег Меньшиков, сериал разбранили критики, а сценарист Илья Авраменко заявил, что стыдится результата.

ПОЧЕМУ РОМАН ТАК НАЗЫВАЕТСЯ?

Очевидный подтекст названия — ветхозаветная история о золотом тельце, идоле, которому стали поклоняться иудеи, пока Моисей пребывал на горе Синай и получал от Бога десять заповедей. Золотой телец стал частым олицетворением культа богатства; «поклоняться золотому тельцу» означает жить ради денег, оставив любые этические и духовные соображения. Именно это и отличает антагониста Бендера — подпольного миллионера Александра Корейко. Отметим, кстати, что корейка — часть туши, в том числе и телячьей; Корейко, чтобы не потерять свои миллионы, должен отдать один из них Бендеру, прямо-таки оторвать от себя — здесь, возможно, сказывается мотив «фунта мяса», которым требует уплатить долг ростовщик Шейлок в шекспировском «Венецианском купце». Еще одна возможная шекспировская аллюзия в названии романа — к шутке Гамлета в адрес Полония: «С его стороны было брутально убивать такого капитального тельенка» (вспомним, что от Бендера Корейко получает по почте книгу «Капиталистические акулы»).

Выражение «золотой тельенок» в значении «культ денег» несколько раз употребляет Бендер: он по привычке снижает штамп, не замечая, что это выглядит

разоблачительно, — «золотой телец превратился в тихого, пугливого тельенка»¹⁵. Пытаясь угостить Корейко в ресторане, он произносит: «Золотой тельенок отвечает за все» — и тут же обнаруживает, что все злчные места в среднеазиатском городе, которые еще пять лет назад были на месте, ударными темпами уничтожили молодые строители коммунизма. Это, что называется, первый звоночек: несмотря на заявления Бендера, что «золотой тельенок в нашей стране еще имеет кое-какую власть», он очень скоро убедится в обратном.

Золотым тельенком в романе несколько раз называется и сам заветный миллион — и когда Бендер его получает, с ним происходит психологическая перемена: прорывается тяга к пошлой роскоши, «особняку в мавританском стиле» со швейцаром, хочется хвалиться своим богатством; в то же время Остап завидует молодым людям, у которых никакого миллиона нет, но есть свежесть, устремления, вера в будущее. В конце концов Золотым тельенком становится он сам, обвесившись драгоценностями (библейский золотой телец был отлит именно из переплавленных украшений). И здесь стоит вспомнить его реплику из нищей черноморской жизни: «У меня большое сердце. Как у тельенка». Тельенок был гораздо симпатичнее, когда был не золотым, а настоящим, с сердцем.

Наконец, еще один смысл названия раскрывается, если взглянуть на отброшенные Ильфом и Петровом варианты. Роман мог называться «Буренушка», «Телята», «Телушка-полушка» — за всем этим явно стоит фразеологизм «дойная корова», в роли которой предстоит выступить Корейко.



Никола Пуссен. Пляски вокруг золотого тельца. 1633–1637 годы

Ну а к «Золотому ослу» Апулея «Золотой теленок» отношения, пожалуй, не имеет, — кроме разве того, что обе книги очень веселые.

ПОЧЕМУ ПОДПОЛЬНЫЙ МИЛЛИОНЕР КОРЕЙКО ТОЖЕ НАЗВАН В РОМАНЕ КОМБИНАТОРОМ?

Корейко — достойный противник Бендера: в годы Гражданской войны и НЭПа он проворачивает такие дела, которые великому комбинатору и не снились («На сахаре он заработал миллиард. Курс превратил эти деньги в порошок»). Но если «четыреста способов отъема денег», которые известны Бендеру, — «сравнительно честные», то махинации Корейко

отвратительны — особенно фокус с поездом, который так и не довез продовольствие в голодающее Поволжье. Недаром, ознакомившись с историей своего «подзащитного», Бендер — сам никогда не теряющий человечности — утверждает, что потерял веру в человечество.

Впрочем, несмотря на выдающуюся способность оставаться незамеченным, Корейко все же оказывается раскрыт — ведь знает же откуда-то Шура Балаганов о его миллионах. В черновом «Великом комбинаторе» он объясняет:

Понимаете, Бендер, случилось мне недавно сидеть в Одесском ДОПрЕ. Мне там об этом говорили несколько очень опытных шниферов. Они интересовались несгораемым шкафом и даже сделали в его квартире проверку.

От авторов

Обычно по поводу нашего обобщественного литературного хозяйства к нам обращаются с вопросами вполне законными, но весьма однообразными: «Как это вы пишете вдвоем?»

Сначала мы отвечали подробно, вдавались в детали, рассказывали даже о крупной ссоре, возникшей по следующему поводу: убить ли героя романа «12 стульев» Остапа Бендера или оставить в живых? Не забывали упомянуть о том, что участь героя решилась жребием. В сахарницу были положены две бумажки, на одной из которых дрожащей рукой был изображен череп и две куриные косточки. Вынул череп — и через полчаса великого комбинатора не стало. Он был прирезан бритвой.

Потом мы стали отвечать менее подробно. О ссоре уже не рассказывали. Еще потом перестали вдаваться в детали. И, наконец, отвечали совсем уже без воодушевления:

— Как мы пишем вдвоем? Да так и пишем вдвоем. Как братья Гонкуры. Эдмонд бегает по редакциям, а Жюль стережет рукопись, чтобы не украли знакомые.

И вдруг единообразие вопросов было нарушено.

— Скажите, — спросил нас некий строгий гражданин из числа тех, что признали советскую власть несколько позже Англии и чуть раньше Греции, — скажите, почему вы пишете смешно? Что за смешки в реконструктивный период? Вы что, с ума сошли?

После этого он долго и сердито убеждал нас в том, что сейчас смех вреден.

— Смеяться грешно! — говорил он. — Да, смеяться нельзя! И улыбаться нельзя! Когда я вижу эту новую жизнь, эти сдвиги, мне не хочется улыбаться, мне хочется молиться!

— Но ведь мы не просто смеемся, — возражали мы. — Наша цель — сатира именно на тех людей, которые не понимают реконструктивного периода.

— Сатира не может быть смешной, — сказал строгий товарищ и, подхватив под руку какого-то кустаря-баптиста, которого

он принял за стопроцентного пролетария, повел его к себе на квартиру.

Повел описывать скучными словами, повел вставлять в шеститомный роман под названием: «А паразиты никогда!»

Все рассказанное — не выдумка. Выдумать можно было бы и посмешнее.

Дайте такому гражданину-аллилуйщику волю, и он даже на мужчин наденет паранджу, а сам с утра будет играть на трубе гимны и псалмы, считая, что именно таким образом надо помогать строительству социализма.

И все время, покуда мы сочиняли «*Золотого теленка*», над нами реял лик строгого гражданина.

— А вдруг эта глава выйдет смешной? Что скажет строгий гражданин?

И в конце концов мы постановили:

- а) роман написать по возможности веселый,
- б) буде строгий гражданин снова заявит, что сатира не должна быть смешной, — просить прокурора республики *привлечь упомянутого гражданина к уголовной ответственности по статье, карающей за головотяпство со взломом.*

И. ИЛЬФ, Е. ПЕТРОВ

Часть первая
Экипаж «АНТИЛОПЫ»

Переходя улицу, оглянись по сторонам.

(Правило уличного движения)

Глава I

О том, как Паниковский нарушил конвенцию

Пешеходов надо любить.

Пешеходы составляют бóльшую часть человечества. Мало того — лучшую его часть. Пешеходы создали мир. Это они построили города, возвели многоэтажные здания, провели канализацию и водопровод, замостили улицы и осветили их электрическими лампами. Это они распространили культуру по всему свету, изобрели книгопечатание, выдумали порох, перебросили мосты через реки, расшифровали египетские иероглифы, ввели в употребление безопасную бритву, уничтожили торговлю рабами и установили, что из бобов сои можно изготовить сто четырнадцать вкусных питательных блюд.

И когда все было готово, когда родная планета приняла сравнительно благоустроенный вид, появились автомобилисты.

Надо заметить, что автомобиль тоже был изобретен пешеходами. Но автомобилисты об этом как-то сразу забыли. Кротких и умных пешеходов стали давить. Улицы, созданные пешеходами, перешли во власть автомобилистов. Мостовые стали вдвое шире, тротуары сузились до размера табачной бандероли. И пешеходы стали испуганно жаться к стенам домов.

В большом городе пешеходы ведут мученическую жизнь. Для них ввели некое транспортное гетто. Им разрешают переходить улицы только на перекрестках, то есть именно в тех местах, где движение сильнее всего и где волосок, на котором обычно висит жизнь пешехода, легче всего оборвать.

В нашей обширной стране обыкновенный автомобиль, предназначенный, по мысли пешеходов, для мирной перевозки людей и грузов, принял грозные очертания братоубийственного снаряда. Он выводит из строя целые шеренги членов профсоюзов и их семей. Если пешеходу иной раз удастся выпорхнуть из-под серебряного носа машины — его штрафует милиция за нарушение правил уличного катехизиса.

И вообще авторитет пешеходов сильно пошатнулся. Они, давшие миру таких замечательных людей, как Гораций, Бойль, Мариотт, Лобачевский, Гутенберг и Анатолий Франс, принуждены теперь кривляться самым пошлым образом, чтобы только напомнить о своем существовании. Боже, Боже, которого в сущности нет, до чего ты, которого на самом деле-то и нет, довел пешехода!

Вот идет он из Владивостока в Москву по сибирскому тракту, держа в одной руке знамя с надписью: «Перестроим быт текстильщиков», и перекинув через плечо палку, на конце которой болтаются резервные сандалии «Дядя Ваня» и жестяной чайник без крышки. Это советский пешеход-физкультурник, который вышел из Владивостока юношей и на склоне лет у самых ворот Москвы будет задавлен тяжелым автокаром, номер которого так и не успеют заметить.

Или другой, европейский могиқан пешеходного движения. Он идет пешком вокруг света, катя перед собой бочку. Он охотно пошел бы так, без бочки; но тогда никто не заметит, что он действительно пешеход дальнего следования, и про него не напишут в газетах. Приходится всю жизнь толкать перед собой проклятую тару, на которой к тому же (позор, позор!) выведена большая желтая надпись, восхваляющая непревзойденные качества автомобильного масла «Грезы шофера».

Так деградировал пешеход.

И только в маленьких русских городах пешехода еще уважают и любят. Там он еще является хозяином улиц, беззаботно бродит по мостовой и пересекает ее самым замысловатым образом в любом направлении.

Гражданин в фуражке с белым верхом, какую по большей части носят администраторы летних садов и конференсье, несомненно принадлежал к большей и лучшей части человечества. Он двигался по улицам города Арбатова пешком, со снисходительным любопытством озираясь по сторонам. В руке он держал небольшой акушерский саквояж. Город, видимо, ничем не поразил пешехода в артистической фуражке.

Он увидел десятка полтора голубых, резедовых и бело-розовых звонниц; бросилось ему в глаза облезлое американское золото церковных куполов. Флаг трещал над официальным зданием.

Содержание

Предисловие «Полки»	5
От авторов	31
<i>Часть первая</i>	
Экипаж «Антилопы»	33
<i>Глава I</i>	
<i>О том, как Паниковский нарушил конвенцию</i>	<i>35</i>
<i>Глава II</i>	
<i>Тридцать сыновей лейтенанта Шмидта</i>	<i>46</i>
<i>Глава III</i>	
<i>Бензин ваш — идеи наши</i>	<i>58</i>
<i>Глава IV</i>	
<i>Обыкновенный чемоданишко</i>	<i>69</i>
<i>Глава V</i>	
<i>Подземное царство</i>	<i>78</i>
<i>Глава VI</i>	
<i>«Антилопа-Гну»</i>	<i>84</i>
<i>Глава VII</i>	
<i>Сладкое время славы</i>	<i>95</i>
<i>Глава VIII</i>	
<i>Кризис жанра</i>	<i>106</i>
<i>Глава IX</i>	
<i>Снова кризис жанра</i>	<i>118</i>

<i>Часть вторая</i>	
Два комбинатора.....	129
<i>Глава X</i>	
<i>Телеграмма от братьев Карамазовых</i>	131
<i>Глава XI</i>	
<i>Геркулесовы</i>	135
<i>Глава XII</i>	
<i>Гомер, Мильтон и Паниковский</i>	143
<i>Глава XIII</i>	
<i>Васисуалий Лоханкин</i> <i>и его роль в русской революции</i>	152
<i>Глава XIV</i>	
<i>Первое свидание</i>	167
<i>Глава XV</i>	
<i>Рога и копыта</i>	178
<i>Глава XVI</i>	
<i>Ярбух фюр психоаналитик</i>	189
<i>Глава XVII</i>	
<i>Блудный сын возвращается домой</i>	200
<i>Глава XVIII</i>	
<i>На суше и на море</i>	208
<i>Глава XIX</i>	
<i>Универсальный штемпель</i>	221
<i>Глава XX</i>	
<i>Командор танцует танго</i>	226
<i>Глава XXI</i>	
<i>Конец «Вороньей слободки»</i>	236
<i>Глава XXII</i>	
<i>Командовать парадом буду я</i>	242
<i>Глава XXIII</i>	
<i>Сердце шофера</i>	250
<i>Глава XXIV</i>	
<i>Погода благоприятствовала любви</i>	260
<i>Глава XXV</i>	
<i>Три дороги</i>	272

<i>Часть третья</i>	
Частное лицо.....	281
Глава XXVI	
Пассажир литерного поезда.....	283
Глава XXVII	
«Позвольте войти наемнику капитала».....	292
Глава XXVIII	
Потный вал вдохновенья.....	302
Глава XXIX	
Гремящий Ключ.....	311
Глава XXX	
Александр Ибн-Иванович.....	321
Глава XXXI	
Багдад.....	328
Глава XXXII	
Врата великих возможностей.....	334
Глава XXXIII	
Индийский гость.....	341
Глава XXXIV	
Дружба с юностью.....	346
Глава XXXV	
Его любили домашние хозяйки, домашние работницы, вдовы и даже одна женщина — зубной техник.....	356
Глава XXXVI	
Кавалер ордена Золотого Руна.....	366
Примечания.....	373
Источники иллюстраций.....	375